

Отже, одним із аспектів прагматичного підходу дослідження мовної особистості є аналіз комунікативних стратегій, які вона реалізує у своєму мовленні. Борис Джонсон має три пріоритетні, взаємопов'язані цілі: проведення виборів, завершення Брекзиту, поліпшення рівня життя у країні. Для актуалізації цих цільових установок у своїх зверненнях до народу він використовує такі комунікативні стратегії, як контраст, посилення, пресупозиція, наведення прикладів, поступка, пом'якшення, узагальнення та повтор.

Перспективами подальших досліджень вважаємо комплексний аналіз мовних засобів реалізації стратегій і тактик комунікативно-прагматичної поведінки Бориса Джонсона як мовної особистості.

Список використаних джерел

1. Соколовська С. В. Мовна особистість політичного лідера: на матеріалі дискурсу Девіда Кемпона. *Studia Philologica*. № 3. 2014 [Electronic Resource]. – Access Mode: <http://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/8184/>. 2. BBC News. Boris Johnson to try for 12 December election [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://www.youtube.com/watch?v=GrlG6P4ID2Y>. 3. Boris Johnson. Twitter. [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://twitter.com/borisjohnson>. 4. Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 2006. [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461445606059565>. 5. Slavova L. L. Image of a Leader's Linguistic Personality in Political Discourse. *Когніція, комунікація, дискурс*. 2015. № 11. С. 109–122. [Electronic Resource]. – Access Mode: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>.

А. М. Гомон, Л. Я. Терещенко

ТРАДИЦИИ САТИРЫ ДЖ. СВИФТА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА: «СМЕРТЬ ГУЛЛИВЕРА» (1911)

В фельетоне-памфлете «Смерть Гулливера» (1911) Леонидом Андреевым художественно воплощена «толстовская» тема, восходящая к статье «Как почтить Толстого?» (*Биржевые ведомости*. 1908. №10354. 29 февр.) о предстоящем юбилее великого писателя, и к «Речи о Толстом» (1910). Последняя была написана Андреевым после получения предложения выступить в Петербургской консерватории 13 ноября 1910 года на траурном собрании, посвященном памяти великого писателя.

Горячо приняв это предложение, Андреев вскоре категорически отказался от выступления, так как «...не предвидел той совершенно *недопустимой* обстановки, при которой означенное собрание состоится <...> ораторы обязуются не говорить ни о *Синоде*, ни об отношении Льва Николаевича к *правительству*, ни о его протесте *против смертной казни*, ни обо всем том <...> что составляет *общественную* сторону деятельности усопшего <...> воспрещается возглашать Толстому «вечную память» <...> а вдохновение ораторов вводится в узенький рукав *дозволенного полицией красноречия*» [2, с.200–201].

В «Смерти Гулливера» Андреев в иносказательной форме еще раз откликнулся на смерть Толстого, которого считал гением и читал как одного из своих учителей, а заодно и отреагировал на неуместную шумиху посмертных чествований Льва Николаевича, поднятую его «почитателями» и «ценителями» и, ввиду запретов и репрессий правительства, зачастую принимавших уродливый характер.

«Смерть Гулливера» – талантливая стилизация под известный роман Дж. Свифта (Часть первая. «Путешествие в Лилипутию»), на что прямо указывает сюжет и первоначальное подстрочное примечание: «*Как бы дополнительная глава к «Путешествиям Гулливера»*». В фельетоне повествуется о смерти героя и о том, как это события было воспринято лилипутами: «Весть о смерти Человека-Горы всю страну Лилипуты одела в глубокий траур. Его многочисленные враги и завистники

<...> умолкли, удовлетворенные смертью <...> И кучка друзей, вначале весьма небольшая, с каждым днем заметно росла, пока наконец весь народ Лилипуты не превратился в искреннего, громко плачущего друга Гулливера <...> Свободный день, оставшийся для погребения, было решено <...> посвятить чествованию памяти Человека-Горы» [1, с.305].

Андреев сознательно не берет миф о «Гулливере и лилипутах» вне контекста свифтовского романа, а как бы «дописывает» его (как ранее дописывал Евангелие в «Бен-Товите» (1905), «Елеазаре» (1906), «Иуде Искарите» (1907), «Нерукотворном образе» (1915)), вследствие чего эти бессмертные образы обретают дополнительный смысл и большую весомость («добавления делают миф понятнее» (К. Леви-Стросс)). Уже сам принцип аллегии и контраста, лежащий в основе системы персонажей (*Гулливер – лилипуты*) и фантастический гротеск, буквально материализующий значительность первого и ничтожество вторых, развивали традиции свифтовской поэтики.

«Смерть Гулливера» – это едкое сатирическое осмеяние всего характера «похоронной кампании» вокруг смерти Толстого. Прежде всего, это «*говорящие шепотом <...> все сразу <...> одно и то же*» ученые-академики Лилипуты (истолкователи-критики, творцы очередного «мифа о Толстом»). Ораторствующие ученые мужи представляют «самые точные таблицы и вычисления роста Гулливера, объема его тела и предполагаемого веса» и делают «авторитетный» однозначный вывод: «Человек-Гора был замечателен тем, что обладал *очень большим ростом* и соответствующей *силой <...> причина такого роста <...> неизвестна* и такой останется навсегда <...> сила остается *необъяснимою* и, как таковая, *враждебною и вредною для человечества*. Наука <...> *не признает* Гулливера за факт <...> Гулливер не что иное, как *миф, легенда <...> Гулливер не существовал никогда*» [1, с.307].

Объектом иронии и сарказма в фельетоне являются также и «интеллигентные» мещане и обыватели, – многочисленные «ценители и почитатели» («лилипуты»), набивающиеся в его «близкие друзья» и примеривающиеся «на своих *высоких каблуках*» к величию и славе покойного. Примечательно, что никто из «друзей» Гулливера в своих лживых панегириках умершему не затрагивал «те пункты, которых *не должны касаться* ораторы: *нельзя говорить о новой монетной системе*, *нельзя трактовать вопроса о канале на юго-востоке Лилипуты*, *нельзя касаться угреватого носа генерал-адмирала <...> нельзя вспоминать того неприличного способа*, каким Гулливер потушил пожар, и проч. и проч.» [1, с.309] (ср. перечень «запрещений» для выступающих на траурных собраниях, посвященных памяти Толстого).

Одно только «чтение запрещенных пунктов заняло *около часа*» [1, с.309], – саркастически иронизирует Андреев. Для усиления эффекта осмеяния нелепых претензий российских «лилипутов» на роль истинных друзей «Гулливера», Андреев использует реминисценции из Н. Гоголя и М. Салтыкова-Щедрина («Нос» (1836), «История одного города» (1870)): «Чем кончилось торжество, неизвестно, так как в этом месте и в природе и в тогдашних хрониках наступает тьма» [1, с.310].

Однако было бы ошибочно считать «Смерть Гулливера» «*чистой сатирой*», стремящейся только к разоблачению и осуждению. В финале произведения «вечная» тема несоизмеримости великого человека и его окружения, гения и толпы, таланта и поклонников из аллегорической трансформируется в вечный *символ неопостижимости* самой природы творческой гениальности. И хотя в данной ситуации, по Андрееву, «...один человек становится равен человечеству» [4, с.328], Человек-Гора (Толстой) оказывается не «сверхчеловеком» (для лилипутов Гулливер («*Куинбус Флестрин*»)) – «сверхчеловек» в прямом смысле), а *вечным образом* одиночества

и непонятости творца. «Он не был сверхчеловеком, и это радостно» [3, с.79], – такими словами хотел завершить Андреев свою «Речь о Толстом» (1910). Таким образом, «Смерть Гулливера», наряду с памфлетно-сатирическим, *смеховым началом*, обнаруживает и *лирико-философский* аспект осмысления «толстовской» темы (защита «просто человеческого» от «сверхчеловеческого»), позднее продолженной Андреевым в мемуарном очерке «За полгода до смерти» (1911).

Список использованных источников

1. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Изд. т-ва А.Ф.Маркс, 1913. Т.6. 368с.
2. Афонин Л. Н. Леонид Андреев: критико-биограф. очерк. Орел: Кн. изд-во, 1959. 224с.
3. Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин: Ээсти раамат, 1984. 336с.
4. Силард Л. «Мои записки» Л. Андреева: к вопросу об истории оценок и полемической направленности повести / *Studia Slavica Hungaricae*. 1972. XVIII. Fasc.3 – 4. S.303–342.

Л. Е. Довбня, Т. І. Товкайло

ДІАЛЕКТОЛОГІЧНІ ЗДОБУТКИ П. Г. ЖИТЕЦЬКОГО ТА О. Б. КУРИЛО

У сфері українського мовознавства вагоме місце відводиться постатям П.Г. Житецького та О.Б. Курило, чиї здобутки мають неабияку цінність для становлення і розвитку діалектологічних учень, а також історичної фонетики, історичної морфології і методології мовознавства. Їхні праці стали основою формування лінгвістичного світогляду не одного покоління дослідників, але впродовж десятиріч поза увагою наукової спільноти залишалися мовознавчі здобутки вчених. З огляду на це постає завдання повернути суспільству їхні наукові напрацювання.

Аналізуючи науковий доробок П.Г. Житецького, варто зосередити увагу на інтерпретації дослідником регіональної специфіки української мови, де висвітлено діалектні риси східнослов'янських мов: «Нарис звукової історії малоруського наріччя» (1876), «Описание Пересопницкой рукописи 16 в.» (1876), «Нарис літературної історії малоруського наріччя в XVII ст.» (1889), «Очерк звуковой истории малорусского наречия в 17 и 18 вв.» (1889) тощо.

«Діахронічний аналіз учений фахово поєднав із синхронічним описом живого діалектного мовлення, що сприяло об'єктивному мовознавчому аналізу й баченню шляхів розвитку й особливостей функціонування вокалічної та консонантної систем української мови. Свої міркування вчений проілюстрував додатками, де подав зразки регіональних особливостей ...українського мовлення» [3, с. 27].

Олена Борисівна Курило належить до молододосліджених постатей у царині історії української мовознавчої науки. Об'єктом її наукових напрацювань стала сучасна українська літературна мова, а також питома українська термінологія та українська діалектологія. Її перу належать такі наукові розвідки з української діалектології: «Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів на Чернігівщині» (1924), «До характеристики і процесу монофтонгізації чернігівських дифтонгічних звуків» (1925), «Як водили перебеню» (1925), «До питання про умови дисимілятивного акання» (1928), «Спроба пояснити процес зміни є, о в нових закритих складах у південній групі українських діалектів» (1928), «Матеріали до української діалектології та фольклористики» (1928), «Про незалежну від наголосу зміну а по м'яких консонантах та по j в українських діалектах» (1929), «До питання про походження північноукраїнських рефлексів – о, ue, we, wy, е» (1931).

«Записи говірок Курило відзначаються великою фонетичною точністю, часом вони навіть переважані зайвими подробицями й індивідуальними й потенційними варіантами вимови, бо записи Курило були фонетичні, а не фонематичні. Але